

Культура

В индустрии «звезд» много вранья

Анна ВЕТХОВА

— Ваша популярность во Франции во много раз превосходит российскую. Как случилось, что именно в этой стране вас называют первым пианистом мира?

— Не знаю, первым или вторым... Мне кажется, это нормально, если артист известен где-то больше, чем у себя дома. Действительно, примерно с 1997 года я стал очень популярен во Франции. Сначала вышла восторженная рецензия уважаемого французского критика Ломпеша на мой диск, который он купил, вообще не зная меня. Затем этот критик пришел на мой сольный концерт в Лувре и опять написал восторженную рецензию. Потом мне предложили записать произведение Бриттена для оркестра с участием фортепиано — «Маленький Аполлон» со знаменитым дирижером Кентом Негано. И после выхода этой записи мой французский агент пригласила представителей фирмы Erato на мой концерт. Они пришли, им понравилось. В 1999 году мне предложили эксклюзивный контракт с этой компанией. Но на самом деле понять, чем обусловлена известность того или иного исполнителя, довольно сложно. Хотя, конечно, контракт с Erato — это большое дело: немногие пианисты в России имеют эксклюзивный контракт с западной звукозаписывающей фирмой.

— Как вы относитесь к своей популярности?

— Никак не отношусь. У меня это не вызывает подъема, так же, как и раздражения. Наверное, это артистический недостаток. Например, моя учительница Николаева очень реагировала на знаки внимания: ей это давало какой-то импульс. Но мне кажется, что популярность в искусстве — вещь вторичная.

— А как же в таком случае вы объясняете влияние индустрии звезд на вкусы публики?

— Для меня это не важно, как для человека, который просто очень любит слушать музыку. Я не слежу ни за какими рейтингами. Я просто хожу на концерты во всех странах, где бываю, если у меня есть шанс получить от концерта удовольствие. Если играет музыкант, который безумно популярен, у меня не возникает ни восторга, ни токсикоза: я просто буду слушать то, что он делает. И мне абсолютно все равно, какой гонорар он получает — большой или маленький. Думаю, что в индустрии звезд много вранья. Россия, на мой взгляд, превратилась сейчас в страну, более закрытую в культурном смысле, чем раньше. Тут есть такие провинциальные моменты, которые можно наблюдать, например, в Румынии или Югославии, где возникают суперзвезды, известные только в данной конкретной стране и нигде больше. В России сейчас есть парочка очень известных музыкантов, которые никогда не будут играть ни в Париже, ни в Лондоне.

— Но все же индустрия существует, и музыкальные критики играют в этой сфере не последнюю роль...

— Честно говоря, я стараюсь не читать, потому что эффект от негативной критики всегда сильнее, чем любые позитивные слова. Музыка — это такое искусство, в котором значительно важнее сопереживание, нежели последующее мнение. На мой взгляд, выдающийся критик — это в первую очередь человек, который обладает литературным талантом. Тогда его статьи интересно чи-

тать как некие литературные зарисовки. Но по критике судить о концерте, я думаю, просто невозможно. Это невероятно разные жанры искусства — слово и музыка, они разведены предельно далеко, и точек соприкосновения у них очень мало. Мне кажется, что больше скажет о прослушанном нарисованная под впечатлением от концерта картина.

— Нынешняя концертная ситуация не кажется вам несколько музейной? Современный меломан приходит в сотый раз слушать двухтысячную интерпретацию, кругом переизбыток академического мейнстрима и мало новой музыки...

— Нет, не кажется. Мне странно, что вообще возникает такой вопрос. Это как если бы меня спросили, не странно ли мне опять наблюдать восход солнца. «И каждый был неповторим, и повторялся вновь без счета», — как сказал Пастернак. Каждый восход солнца, он тот же самый и — абсолютно другой. Для меня нет разницы: слушаю я новое произведение или в тысячный раз Первый концерт Чайковского. Я буду слушать его, как в первый раз.

Представьте себе, что приезжает крупный пианист и играет прелюдии Шопена. Разве это не интересно? Это же само по себе чудо! Исполнение может состояться или не состояться, но ведь идеальное исполнение в принципе невозможно. Тем более на сцене, где всегда происходят какие-то случайности.

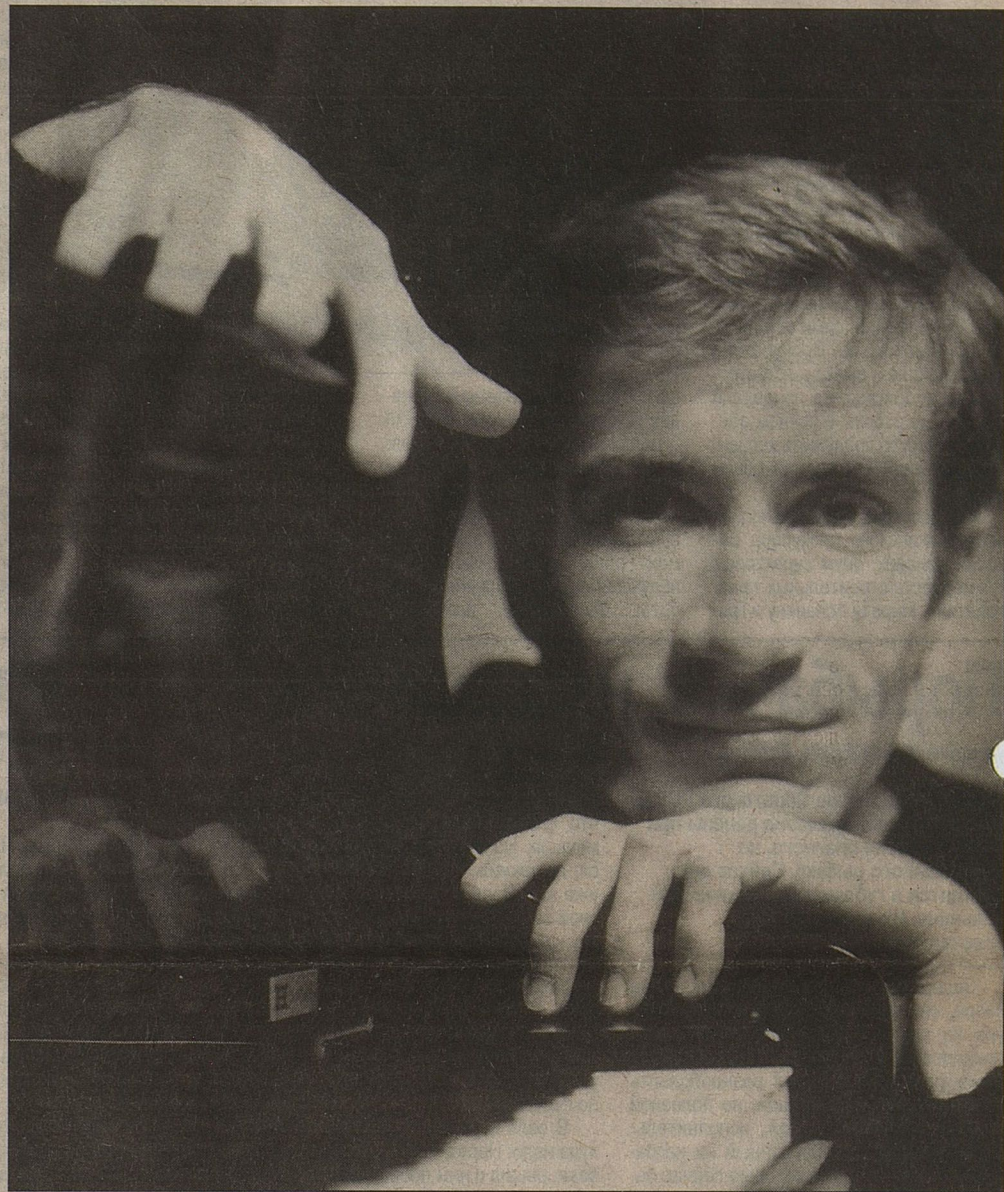
Сама форма концерта, на мой взгляд, сегодня в мире переживает невероятный расцвет. Наверное, нормально, что в пору расцвета какого-то явления говорится о его смерти, как сейчас все говорят о смерти классической музыки. Однако в какие времена исполнители зарабатывали большие деньги своими выступлениями? И чтобы сам факт такого заработка являлся определенной системой? В XIX веке Шуберт, который играл на рояле и пел, не мог себе на вторую пару штанов заработать! А сегодня, несмотря на огромное количество музыкантов, все находят себе применение. Другое дело, что спрос на классику в России упал по сравнению с тем, что было 30 лет назад. И этому есть объективные причины политического характера. Но в мире посещаемость концертов огромная: 95–98 процентов от вместимости зала.

В XIX веке Шуберт, который играл на рояле и пел, не мог себе на вторую пару штанов заработать! А сегодня, несмотря на огромное количество музыкантов, все находят себе применение

Впрочем, что будет через 50 лет — это, конечно, вопрос, потому что нынешняя аудитория в Европе довольно пожилая.

— А что должно произойти во время исполнения, чтобы случилось то самое чудо, о котором вы говорите?

— Ну если бы это можно было сказать словами, это было бы слишком просто. Пожалуй, соучастие артиста и публики. Необходимо, чтобы каждый был готов к этому соучастию. Результат концерта — всегда случай единичный и не подпадает ни под какие определения. Из своих собственных впечатлений я помню пару концертов Святослава Рихтера, Радугу Лупу, Нельсона Фрейра, Марты Аргерих, Михаила Плетнева.

Что это было? Моменты невероятного счастья. А как это происходит, наверное, никто не знает.

Мне кажется, существует проблема слушателя. Если слушатель посмотрел телевизор и запомнил, что классическую музыку убили, у него мало шансов получить наслаждение от концерта. Очень разные люди приходят на концерты популярной музыки, но в момент концерта они становятся одинаковыми: такая музыка запрограммирована на

царта, Шопена, Рахманинова...

Я не могу сказать, что хорошо знаю современную музыку. Впрочем, мне кажется нормальным, что существует Золотой век искусства, Серебряный, а сейчас наступило диминуэндо — некий спад в количестве музыкальных шедевров, но это мое сугубо личное мнение. Я не так много слушаю современной музыки, потому что у меня есть свойственная многим людям чисто консервативная привычка — слушать, читать, смотреть то, что уже принадлежит истории. Иными словами, если создатель уже умер, то к созданному им я чувствую больше доверия, чем к творениям своих современников. Думаю, проблема современной музыки заключается в том, что она гораздо меньше подвержена каким-то стилистическим особенностям, чем любая другая. Практически вся современная музыка, за исключением Свиридова, полистилистична. Ее создатели — музыканты с невероятным кругозором и образованием, в одной пьесе стараются показать всю толщу культурного слоя за последние три — четыре века. Это интересно. Но это уже немножко не культура, а разговор на языке культуры.

— У вас есть музыкальные интересы вне академической музыки?

— Когда-то я слушал Фредди Меркьюри, Уитни Хьюстон. Но из того, что действительно люблю, я бы назвал музыку Жобима. Как-то в Бразилии, в кабачке какого-то провинциального города, я ухитрился часов пять слушать певицу, которая исполняла босанову. И после этого я

уже стал покупать записи и слушать. А когда я приехал в Бразилию еще раз и попросил найти мне такой концерт, выяснилось, что для бразильцев босанова — музыка дедушек и бабушек, а молодежь слушает тяжелый рок и металл.

— Сколько концертов вы играете в сезоне?

— Около восьмидесяти. Но хотел бы играть меньше. У меня почти всегда ощущение, что концертов слишком много и я не успеваю подготовиться. Много разных программ приходится играть. Настоящие суперзвезды гастрوليруют в сезоне с одной — двумя сольными программами и тремя — четырьмя разными концертами с оркестром. У меня так не получается. Я играю три — четыре разные сольные программы и концертов 15 разных с оркестром, плюс довольно много камерной музыки. Это, конечно, нужно менять.

— А отдыхаете как? Говорят, вы очень хорошо играете в шахматы...

— В шахматы играю блиц на уровне сильного первого разряда или очень слабого кандидата в мастера, а серьезные партии я давно не играл. Нет времени. Отдыхаю по-разному: люблю бывать на даче, люблю спорт, особенно настольный теннис. Иногда захожу в консерваторское общежитие — там есть пара сильных игроков. На самом деле, трудно сказать, что есть отдых. Пианиста Григория Соколова как-то спросили, сколько он занимается, и он ответил, что не понимает вопроса, потому что настоящий музыкант занимается постоянно.

Пианист Николай ЛУГАНСКИЙ во Франции суперзвезда. Его диски расходятся моментально и получают призы критиков, на его концертах всегда полные залы. Нельзя сказать, что воспитанник замечательных российских педагогов, Татьяны Кестнер, Татьяны Николаевой и Сергея Доренского, победитель Конкурса имени Чайковского мало играет в Москве или здесь у него мало поклонников. Это, безусловно, не так. Тем не менее именно в России у Николая Луганского образ отнюдь не суперзвезды, а пианиста для избранного круга слушателей